

ФИТОГЕОГРАФИЯ

С. В. Голицын

К вопросу об истории шкәриани Южной Колхиды

(Представлено А. Л. Тахтаджяном 21 XI 1947)

В последние годы в нашей печати опубликован ряд работ, затрагивающих генезис одной из древнейших групп ассоциаций южной Колхиды—формации кустарников влажных гор Аджарии, так называемых „шкәриани“. Шкәриани—своеобразные, в основном полиэдификаторные гигротамниумы Аджарии (и, вероятно, Лазистана), образованные из густых, часто саблевидных, рослых, в большинстве крупнолистных, вечнозеленых (различные рододендроны, лавровишня) или листопадных (медведевская береза, азаля, кавказская черника, восточная калина, понтийский дуб) кустарников и населяющие в их исходных типах избыточно влажные умеренно теплые горные склоны с маломощными почвами⁽³⁾. Каково происхождение шкәриани, и имеют ли они антропогенное происхождение в результате лесных пожаров, как думают некоторые авторы⁽⁶⁾? Повидимому, единственным основанием такого взгляда является ничем не оправдываемое убеждение в распространении высокогорных шкәриани на местах выгоревшего букового леса; по крайней мере никаких других аргументов не приводится.

Однако, как я показал⁽²⁾, ни рубка леса, ни лесные пожары никогда не были и не могли быть предпосылкой появления „девственных“ шкәриани горных вершин. Мое многолетнее знакомство с жизнью лесов Аджарии и убедило меня в том, что от лесных пожаров в горах страдает именно кустарниковый ярус, т. е. как раз те элементы, из которых слагаются шкәриани, тогда как буки относятся к огню очень индифферентно. Подтверждением невозможности возникновения шкәриани в результате гибели буковых лесов от пожаров служит давно отмеченный мною факт иногда даже очень обильного произрастания среди наших кустарников тысячелетних приземистых тиссов. Абсолютно невозможной является мысль о сохранении от огня низко олиственных тиссов с одновременным уничтожением гигантских буков с их исключительно высоко расположенными кронами.

Шкәриани—своеобразный ответ растительности Южной Колхиды на специфические условия жизни в обстановке довольно распростра-

ненных там маломощных почв крутых склонов ущелий или даже почти голых выходов скал, где нет возможности удержаться буку. Будучи антропогенны в нижних горных зонах, где они возникают на месте уничтоженных человеком лесов (и здесь их флористический состав лишен целого ряда более оригинальных реликтовых форм и, взамен того, изобилует вульгарными видами), — высоко в горах, в местах, где немыслимы заготовки дров, где вообще нельзя говорить о сколько-нибудь существенном вмешательстве человека в жизнь этих кустарниковых группировок, они, несомненно, самобытны. Странно было бы думать, что лишь в результате деятельности человека, в глухих, часто весьма трудно доступных горах Аджарии возникают растительные группировки, все эдификаторы которых (а их нередко больше четырех) состоят из представителей по крайней мере поздне третичной флоры. Даже, если обратиться к общему составу фанерофитов шкәриани, то и тогда мы найдем здесь не менее 72% реликтовых третичных форм. Сама общая обстановка таких ущелий Аджарии, на крутых боках которых сотни и даже тысячи гектаров заняты шкәриани, наводит на мысль о давно прошедших временах истории растительности Кавказа. „Здесь человек чувствует себя в совершенно своеобразной экологической обстановке, и весь ландшафт производит впечатление чего-то глубокого чуждого и архаического. Не может натуралист без глубокого волнения ступить по этим местам, и невольно восстанавливает он в своем сознании картины прошлого Кавказа“, говорит А. Л. Тахтаджян⁽¹⁾, лично побывавший в наиболее характерных ущельях с зарослями шкәриани.

Мною решительно отвергается парадоксальная мысль⁽²⁾, что в наиболее девственных зарослях шкәриани в глубине нетронутых человеком самых диких гор Южной Колхиды, — этого одного из наиболее древних центров консервации реликтовых форм флоры и растительности нашей страны, — мы должны видеть какие-то неопределенные антропогенные группировки. Достаточно вчитаться в свидетельства таких знатоков нашей южной природы, как М. Г. Попов⁽³⁾ или А. Л. Тахтаджян⁽⁴⁾, чтобы понять, как глубоко прав Н. А. Буш, говоря: „нельзя заподозрить эту формацию во вторичном происхождении“⁽¹⁾.

Итак, шкәриани — достоверные кустарниковые климакс-ассоциации, совершенно равноценные в этом отношении с буковыми лесными ассоциациями Аджарии.

Попутно скажем несколько слов о виднейших представителях некоторых наиболее древних ассоциаций типа шкәриани.

Прежде всего об уже упомянутой *Epigae gaultherioides*. Вопреки Сочаве⁽⁶⁾, утверждающему взгляд на нее, как на растение, окончательно порвавшее связи с коренными фитоценозами и заявляющему об отсутствии сведений о произрастании ее в „достоверных климакс-ассоциациях“, она наблюдалась Б. К. Шишкиным в буковых лесах Лазистана. Таким образом, вдвойне неверно представление Сочавы об

эпигее, как о блуждающем реликте, поселяющемся исключительно в местах, где „ослабляется роль того или иного эдификатора“. Наоборот, эпигей мы встречаем только в коренных фитоценозах страны: только в шкериани (и именно в климаксовых ассоциациях этого типа) и только в буковых лесах.

Наконец, о *Betula Medwedewi* и *Quercus pontica*. Неверно утверждение Сочавы о немногочисленности местонахождении этих реликтовых кустарников в Аджарии. Их множество в широкой горной зоне с высот 900—1000 м до субальпийских лугов. Неясно вместе с тем, какие это „фитоценологические сопоставления“ приводят Сочаву к поразительному предположению, что оба эти холодостойкие* породы в третичное время „в качестве *деревьев* характеризовали леса *нижнего* (курсив всюду мой) пояса“ и, следовательно, что „кустарная форма роста обоих видов является новоприобретенным признаком“.

Воронеж, 1947, октябрь.

Ս. Վ. ԳՈԼԻՑԻՆ

Հարավային Կովկասյի «զկերիանի»-ի պաթալոլոգիան հարցի օրագր

Հեղինակը, ուսումնասիրելով Հարավային Կովկասյի խոնավ անտառների բուսական խմբավորումները, հատկապես «զկերիանի» կոչված բուսական խմբավորումը, հերքում է Սոչավայի այն տեսակետը, որ «զկերիանի» կոչված բուսական խմբավորման Թիոլտներն ունեն երկրորդային ծագում, այն է՝ ծագել են անտառների հրդեհներից հետո: Հեղինակն ապացուցում է, որ դրանք, որպես երրորդային ռելիկտային բուսական խմբավորում, նույն- ջան հին են, որքան և նրանց շրջապատող հաճախուհները:

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. А. Буш. Ботанико-географический очерк Европейской части СССР и Кавказа. М.—Л. 1936.
2. С. В. Голицын. Тр. ВГУ, 7, Воронеж, 1935.
3. С. В. Голицын. Тр. ВГУ, 9, Воронеж, 1939.
4. А. А. Колаковский. Фитоландшафты Абхазия и история их развития. Тбилиси, 1947.
5. М. Г. Попов. Заметки по систематике и географии Тбил. Ботанического Института, вып. 9, Тбилиси, 1940.
6. В. Б. Сочава. ДАН СССР, 8, № 3, 1947.
7. А. Л. Гахтаджян. Заметки по систематике и географии растений Тбил. Ботанического Института, вып. 10, Тбилиси, 1941.

* А. А. Колаковский (*), например, в результате изучения большого материала, приходит к утверждению принадлежности обоих этих кустарников к „третьей“ фитоландшафтной группе *высокогорного пояса* (курсив мой).